

А. П. Иванова

КРАЙ СВЕТА: КАМЧАТКА¹

Один из главных сюжетов нашего исследования — взаимопроникновение, диффузия высокой (городской) и низкой (народной) культуры. Мы отслеживаем этот процесс в трансформациях архитектурного вернакуляра², но не менее важно учитывать символику исследуемых локаций, пресловутый «культурный код», которым маркируется место в коллективном бессознательном. Эти маркировки, как правило, случайные и ложные, возникают благодаря проводникам, транслирующим в высокую, а затем в массовую культуру представление о месте. Локация становится символом, и сформировавшийся символ, часто имеющий очень косвенное отношение к текущей реальности, программирует дальнейшее восприятие региона не только просвещённой столичной публикой, но и самими жителями-автохтонами.

Особенно наглядно это заметно на примерах Камчатки и Сахалина, куда колонисты ехали с неким имплицитно заложенным предубеждением, что невольно сказалось на жизнеустройстве.

Название полуострова Камчатка традиционно ассоциировалось с последними, самыми дальними партами школьных классов, куда ссылали второгодников-девиантов; топоним «Камчатка» для многих поколений русских людей был символом самого дальнего края света, где находят пристанище асоциальные пассионарии. Эту «чёрную легенду», и в отношении Сахалина в том числе, подпитывала классическая литература. «В Камчатку сослан был, вернулся алеутом», — писал А. С. Грибоедов о графе Ф. И. Толстом-Американце, который в 1804 году за «непредсказуемое поведение» на борту шлюпа «Надежда» был высажен Ф. И. Крузенштерном на камчатский берег и возвращался в Петербург через Алеутские острова и Ситку. В высокой (петербургской) культуре представление о восточном фронтире империи прочно закрепилось с образом этого, по меньшей мере, неординарного человека, который рассказывал в светских салонах о своих приключениях. Как водится, архетип, сформированный в высшем классе, просочился вниз и превратился в массовый штамп, который вытеснил из коллективной памяти и героическую оборону Петропавловска от флота союзников в 1854 году, и сказочной, неземной красоты пейзажи. Символизм Камчатки как края света и края

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00537.

² Вернакуляр — архитектура без архитектора.

жизни ещё больше закрепился в сознании нескольких советских поколений благодаря песне Виктора Цоя («Это странное место Камчатка», 1983 г.). Сам Цой (в отличие от Ф. И. Толстого) никогда не был на полуострове и на вопрос, что означает для него слово «Камчатка», отвечал, что оно лишь подчёркивает в духе Ионеско абсурдность и фантастичность текста [3].

Относительно недавно, лет 10 назад, Камчатка внезапно вошла в моду, сначала у зарубежных туристов (американцев, японцев, корейцев, китайцев и европейских любителей экстремального спорта), а затем и у столичной публики. Наплыв вестернизированных туристов резко изменил самоощущение жителей, что, в свою очередь, сказалось на трансформации постсоветского пейзажа. Наш обзор полуострова ограничится краевым центром, небольшим городом Елизово, туристическим кластером Паратунка и двумя сёлами — Мильково и Эссе.

Для того чтобы компенсировать свой, без сомнения, поверхностный взгляд на развитие народной архитектуры полуострова, мы старались учитывать саморепрезентации местных жителей, «взгляд изнутри», поэтому камчатский текст базируется на рассказах информаторов (библиотекарей, архивистов, музейных работников, гидов и проводников, студентов и экскурсоводов), местных СМИ (в том числе краевого телевидения), редких печатных изданиях и краеведческой литературе. Следует отметить частые упоминания старообрядцев как основателей местной культуры и общую поликонфессиональность культурного ландшафта.

Научная литература, посвящённая культуре малых дальневосточных народностей, необъятна (сошлёмся на статьи докторов исторических наук А. Ф. Старцева [6] и С. В. Березницкого о промысловых, ритуальных и жилых постройках тунгусо-маньчжур [1]). Но первые (и самые известные) изображения туземного вернакуляра зафиксированы в книге Свена Вакселя, посвящённой Второй Камчатской экспедиции Витуса Беринга [2].

Это интересный пример просвещённого ориентализма, сформировавший дальнейший вектор общения вестернизированных представителей метрополии с коренными народами восточных территорий. Рисунки летнего стойбища и подземного жилища камчадалов, выполненные с неясной степенью достоверности, столетиями перепечатываются всеми, кто так или иначе касается темы восточной колонизации.

Чтобы не нарушать традицию, мы включаем их в иллюстративный ряд, надеясь, что срок авторских прав давно истёк.

Вопрос о взаимном влиянии туземной культуры на колонизаторов («креолизация») и — обратный процесс — о заимствовании коренными

а

б

Иллюстрации из книги Свена Вакселя, сформировавшие представление о жилищах аборигенов [2]: а) занятия камчадалов. Палатки, сшитые из клиновидных кусков кожи, размещены на свайных настилах на высоте человеческого роста. На переднем плане — ямы для вяления рыбы собакам («на берегу вырывают ряд глубоких — около сажени — ям, выкладывают их рыбой, а сверху заваливают землей и камнями, чтоб хищники не растащили»), в центре — сушильни для юколы («юкола из кеты — это ржаной хлеб камчадала»);

б) подземное зимнее жилище камчадалов: вход через верхний лаз, спуск по длинной приставной лестнице (бревно с зарубками), в центре — очаг, по периметру — каны с подогревом, деление на женскую и мужскую половины с сакральным центром. Стены укреплены фахверком из брёвен.

Рисунок из книги Свена Вакселя, воспроизведённый на стене частного этнографического музея. Камчатка, село Мильково, лето 2019 года.

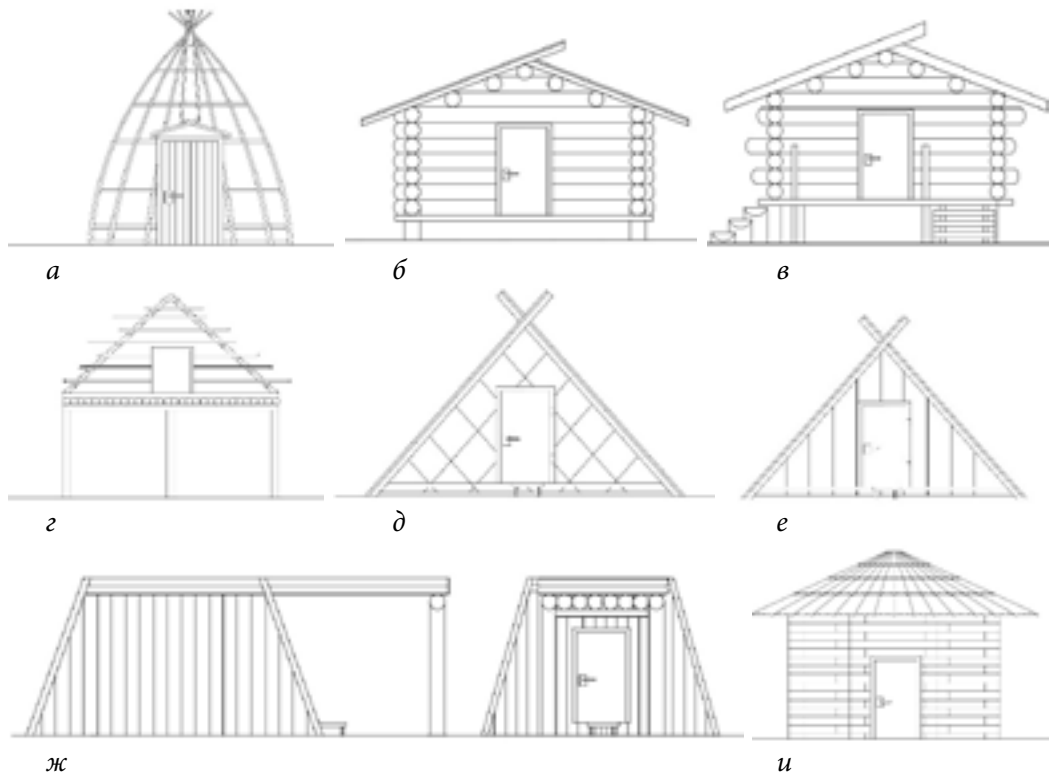
народами более совершенных технологий белых колонистов был поставлен ещё 150 лет назад.

Хрестоматийным примером монументального имперского ориентализма, транслирующего идеологию безусловного превосходства метрополии над жителями «первобытных» окраин, является живописный альбом «Народы России», изданный в Москве в 1877 году [5]. В контексте нашего исследования интересны разделы, посвящённые народам Северо-Восточной Сибири, Якутии, Бурятии, Камчатки и жителям Амура; в фолианте

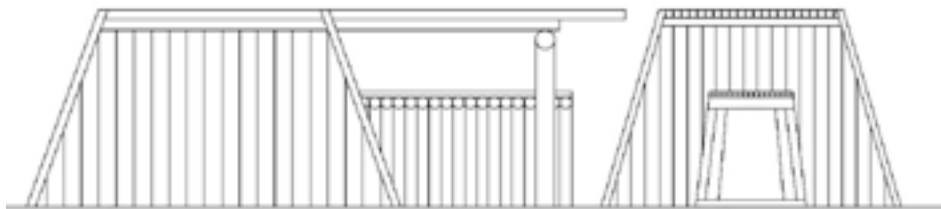
приводятся замечательные, но отчасти фантастические описания повседневных практик и устройства жилищ аборигенов. Авторы «Народов России» пишут о том, что русское влияние распространяется среди туземцев «с невероятной быстротой и можно безошибочно сказать, что в весьма недалеком будущем племена войдут в состав таких народов, которые

испытывают на себе превосходство европейской цивилизации, почти всегда благодетельное, но вместе с тем действующее всегда разрушающим образом на первобытные нравы и на коренной дух национальности» [5, с. 544]. И действительно, аборигены, по свидетельствам путешественников, быстро перенимали у русских пионеров технологию возведения срубов, перебираясь из традиционных зимних подземных жилищ, рассчитанных на несколько семей, в индивидуальные избы с окнами, хоть и затянутыми рыбьими пузырями, но всё же пропускающими внутрь солнечный свет.

Гораздо сложнее обнаружить в траvelогах и экспедиционных отчётах упоминания обратного процесса — влияния туземного вернакуляра на организацию жилищ колонистов. Возможно, у переселенцев из южных степных губерний и среднерусской возвышенности свайные постройки ассоциировались с архетипом «избушки на курьих ножках», но, скорее всего, родная русская изба, возведённая на краю света, на берегу Тихого океана, была для них символом далёкой России, островком надёжного и понятного мира среди совершенно дикой тайги, населённой первобытными «самоедами». Есть свидетельства, что первые колонисты Сахалина и Камчатки рыли

к

Традиционное жилище коренных народов Северо-Восточной Азии:

а — ураса — самое древнее летнее жилище якутов: конический шалаши, крытый корой лиственницы. Длина жердей, из которых собирался каркас, достигала 12 м. В центре находился очаг, ограждённый камнями, дым поднимался в дымовое отверстие;

б — фанза — один из вариантов зимнего жилища нанайцев. Материал — дерево и глина, отапливалась системой кан; *в* — зимник телеутов; *г* — летний балаган ительменов, крытый травой и присыпанный землёй (эта технология обеспечивала гидроизоляцию).

Свайные платформы достигали трёхметровой высоты, в конусовидных высоких шалашах входы располагались напротив друг друга для сквозного проветривания от гнуса (для этой же цели летние жилища поднимались так высоко над землёй).

Зимой ительмены жили в больших землянках, вмещавших до ста человек. Сегодня численность ительменов на Камчатке не превышает 3 000 человек;

д — *е* — жильё представителей тунгусо-маньчжурской языковой группы: *д* — кава орочей — двускатный шалаши с крышей, крытой еловой корой, и вертикальными стенками из жердей. Встречается в зимнем и летнем вариантах (зимний кава строился из более толстых жердей). Вдоль стен — деревянные нары, в центре — засыпанное галечником место очага, для безопасности огороженное обмозанными глиной брусками. Мужская половина — за очагом, напротив входа, женская — в левом углу. Входной фасад ориентировался на реку *и*, по возможности, устраивался с подветренной стороны.

Орочи — народность, близкая к удэгейцам, в Хабаровском крае в 2015 году проживало 700 человек; *е* — туэдзи удэгейцев. Туэдзи (или джугди) удэгейцев по характеру использования бывают зимними, летними и временными, а по конструкциям — свайными, срубными, наземными, полуподземными. Этим словом обозначается любое жильё. На рисунке — летний вариант. Двускатный шалаши, крытый корой или берестой, засыпанный по краям землёй. Внутреннее пространство традиционно делится на три части: мужскую, женскую и центральную, где располагается очаг.

По периметру — нары-каны. В 2015 году в Приморье и на юге Хабаровского края насчитывалось 2 000 удэгейцев; *ж* — балаган якутов;

и — хакасская срубная изба; *к* — землянка коряков. Коряки живут на севере Камчатки и делятся на береговых, промышляющих рыболовством, и тундровых, разводящих оленей.

Обе группы строят различные зимние и летние жилища, на рисунке — полуземлянка береговых коряков, заглублённая до двух метров, в поперечнике землянки достигали 12 м и были рассчитаны на несколько семей. Вход (он же дымоход) расположен сверху и защищён от снега щитами из жердей, напоминающими ветряные лопасти, что придаёт корякскому вернакуляру вид актуального эко-арт-объекта. Со стороны, обращённой к морю, пристраивались сени, но ими пользовались только летом, а зимой проникали внутрь помещения по приставному бревну с зазубринами, спускаясь практически в очаг.

Как и во всех вернакулярных жилищах, топили по-чёрному.

Автор рисунков — Е. Петропавловская.

глубокие ямы, перекрывали их бревенчатыми настилами и зимовали в этих импровизированных берлогах.

Лучшая и самая полная фотофиксация жилищ камчадалов и первых колонистов, а также их описания были сделаны членами Великой Северной экспедиции, организованной и профинансированной московским купцом Ф. П. Рябушинским (1912–1914 гг.). Коллекция фотографий этнографа экспедиции В. И. Иохельсона из собрания Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук экспонируется в открытом доступе и производит сильное впечатление [7].

Вполне вероятно, что фотографии В. И. Иохельсона послужили источником вдохновения для создания полномасштабной модели летнего жилища ительменов в главном этнографическом парке России «Этномир», открытом в 2014 году в Подмосковье (Калужская область, Боровский район, деревня Петрово) [4]. Там, на этнодворе «Север, Сибирь и Дальний Восток», расположено 40 жилищ коренных народов, реконструированных по историческим изображениям и описаниям. Дальний Восток представлен балаганом ительменов, землянкой коряков, туэдзи удэгейцев, кавой орочей, нанайской фанзой и хагду.

Полномасштабные реконструкции построек коренных народностей Приморья и Приамурья стали обязательным элементом региональной туриндустрии и, с разной степенью условности, возводятся повсюду, где есть туристический трафик — от историко-ландшафтного парка «Изумрудная долина» (село Утёсное под Уссурийском, Приморский край) и зоосада «Приамурский» (Хабаровск) до «острога», строящегося на берегу Култучного озера в Петропавловске-Камчатском.

Широко известен эколого-туристический комплекс «Велком» с «нанайским подворьем», функционирующий в посёлке Сикачи-Алян, рядом с амурскими петроглифами, являющимися самым узнаваемым туристическим брендом Хабаровского края.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Березницкий, С. В. Жилища и постройки / С. В. Березницкий. — Текст : электронный // Приморский край России : науч.-попул. очерки учёных Дальневост. отд-ния РАН, 1998. — URL: www.fegi.ru/primorye/history/pop3.htm (дата обращения: 10.01.2020).

2. Ваксель, С. Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга / С. Ваксель. — Ленинград ; Москва : Изд-во Главсевморпути, 1940 (Ленинград). — 176 с.

3. Камчатка (котельная). — Текст : электронный // Википедия. — URL: bit.ly/35hvfMD.

4. Музей под открытым небом «Парк народов Сибири и Дальнего Востока». — Текст, изображение : электронные // Этномир : этногр. парк-музей. — URL: <https://ethnomir.ru/posetitelyam/muzei/muzej-pod-otkrytym-nebom-park-narodov-sibiri-i-dalnego-vostoka/> (дата обращения: 10.01.2020).

5. Народы России. Живописный альбомъ. — Санкт-Петербург : Тип. т-ва «Обществ. польза», 1877. — 572 с.

6. Старцев, А. Ф. Промысловые постройки тунгусо-маньчжуров Приамурья и Приморья (вторая половина XIX – начало XXI в.) / А. Ф. Старцев // Россия и АТР. — 2019. — № 2. — С. 128–144.

7. Фотоиллюстративные коллекции В. И. Иохельсона в собрании МАЭ (из серии «Сибирь глазами этнографов начала XX века»). — Изображение : электронное // Кунсткамера. — URL: <http://www.kunstkamera.ru:8081/exhibition/ioh/stoib/stoib.shtml> (дата обращения: 10.01.2020).

Фотографии и иллюстрации предоставлены автором.